

- Что постоянно болит в вашей душе?

- Больше всего я не люблю неизвестность. Что дальше будет? А у нас сейчас и безысходность и неизвестность полная.

- Перенесемся в догорбачевское время, в застой.

- Я так был рад, что это все закончилось у нас. Потому, что я один из тех артистов, которые очень переживали из-за внимания властей. Потому, что кто-то из властей меня любил, Брежнев, например, и все остальные. А не главные меня терпеть не могли за то, что главные любили. И они старались сделать мне все гадости, какие есть на свете. Более того, ездили с проверкой по моим гастроям: не переполучил ли я на копейку больше. Я уж не говорю о том, что они решали, где петь, что петь, как петь, куда поехать. За границу не выпускали очень часто. И все это было противно. Сейчас живется нормально. Платят нормально. Слава богу, деньги появились. Можно себе позволить не унижаться, не иметь знакомых директоров магазинов, завмагов и так далее, всех противных людей, иной раз с которыми и за столом сидеть не хочется. А приходилось поддерживать какие-то отношения. Кошмарное было время. Но я не могу не отдать должное, что в этом времени не было того, что сейчас творится. Был Афганистан. Был. Но, извините, чтобы на улице каждый день убивали людей... Боюсь за жену, когда она с собачкой выходит погулять вечером. Смотрю в окно, как они гуляют.

- То, что сейчас происходит, можно назвать революцией?

- Ну, нет. Пока у нас Ленина нет. Если только Анпилова Лениным назвать. Зюганов не будет новым Лениным. Он, по-моему, такой же коммунист, как и я. А тогда время было скучное. Сейчас у нас телевидение интересное. Сейчас можно чем-то себя занять. В магазинах, в которые я хожу, все есть. Правда, не на что купить, но все равно есть. Интересны эти политические баталии, это все иногда раздражает, иногда смешит. Но в таком моменте мы живем. А самое страшное, что все это лично мне кажется игрой, в которую нас всех втянули и все заведомо известно. Та же Чечня, все эти игры политические, а мы сидим и болеем, как за матч, в котором уже запланирован счет, уже все оговорено, а болельщики сидят, оторваться не могут.

- То, что вокруг бедные, несчастные люди, вам это мешает жить?

- Это больно. Похоже на то, что вы обгорели на солнце. Но все равно это придется перетерпеть. Назад идти - самоубийство. Во-первых, я твердо уверен, что люди, которые голосуют за коммунистов, ошибаются, думая, что если они придут к власти, то все сразу станет прекрасным. Это неправильно. Коммунисты при всем желании ничего уже сделать не смогут. Только агония продлится еще несколько лет. Если перетерпеть, многие страны через это прошли, и мы пройдем. Только вперед, только к цивилизованному государству. Только к рыночной экономике. Правда, у нас не было бы бедных, если бы богатые были получше. Все-таки богатые должны помогать. Мы с Тamarой даже какие-то письма получаем, стараемся кому-то помочь. Вот женщина нам недавно написала. Даже справку о своей болезни прислала, что у нее нет денег на лекарство. Мы, конечно же, ей помогли, хотя, конечно, никакие не бизнесмены, и не миллионеры.

- Когда нищие в метро просят милостыню, какую купюру вы достаете? Максимально?

- У меня был случай, который меня вывел из себя. В те годы, когда 500 рублей были огромными деньгами, я дал их какой-то нищей старушке. Она так на эту бумажку посмотрела, потом сунула ее в мешок, как будто это рубль. И мне открылся этот мешок, полный денег. Ну, конечно, даю милостыню и сейчас. Меньше тысячи не получается. У меня мелочь не бывает. Но если я вижу, что это просто бич или на водку явно не хватает, я ему не дам.

- Вы достаточно состоятельный человек, чтобы каждому гостю давать новые тапочки?

- А где, вы полагаете, я ему буду давать новые тапочки?

- В вашей квартире.

- Нет, где, в какой стране мира?

- Вот здесь, в вашей московской квартире...

- Если бы я жил на Западе, то я, может быть, каждому человеку покупал бы тапочки. Там, как вы знаете, не очень приглашают в дом людей. Если бы у меня в полгода один-два человека были в гостях, я бы, наверно, покупал тапочки. Поскольку в Москве проходной двор, приходят и уходят, вот сейчас позвонили из одного журнала, материалы принесут, и каждому я буду давать тапочки? Так мне понадобится целая тапочная фабрика. Но я не занимаюсь бизнесом.

- Попытайтесь серьезно или иронически, как хотите, по шестибалльной шкале оценить свои собственные умственные способности.

- Ну, у меня умственные способности очень нормальные. Не выдающиеся. Потом, я думаю, что каждый человек, наделенный каким-либо талантом, мог бы достичь больше

- Когда мой водитель начинает мне говорить, что, знаете, трамблер полетел, надо пойти и вот такую запчасть купить, и называет ее, и объясняет мне, куда вставить. Я говорю, я же не рассказываю, как надо партитуру оркестровую писать. Что вы мне рассказываете, как в машине и чего. Я понятия не имею. Вот вам деньги, пойдите и возьмите, что надо. Я, например, не хочу свой мозг засорять информацией, как машина устроена, где у нее что стоит. Хотя есть люди, которые очень любят в ней покопаться. Мой мозг не воспринимает этого, не хочет воспринимать. Мне надо сохранять свои клеточки для музыки, для партитур, нам надо очень много текста в голове держать, надо запоминать много песен, надо учиться играть на рояле, надо фонограммы писать оркестровые на компьютере. Поэтому заниматься машиной у меня нет никакой возможности.

- Вот эта зашоренность, любовь к профессии, она вас не сделала лошадью, которая ходит вокруг мельницы с завязанными глазами?

- А вы как думаете, почему некоторых ученых считают чокнутыми? Они могут ходить, и у них будут подтяжки болтаться из брюка.

- Но это рассеянность.

- Он не знает, как штепсель воткнуть в розетку. Как это называть? Он слишком умен?

- Это гениальность.

- А мне кажется, что это односторонность, очень узко. Не видеть дальше собственного носа, а вот идти по своей профессии и ничего больше, дальше не знать. Есть великие пианисты, которым дашь ноты, и он сыграет гениально. А без нот не сможет и "чирика-пыжика". Это как называется?

- Вы, должно быть, страшно рассеянный?

- Нет, я сосредоточенный. Вот чтобы вбить гвоздь в положенное место доски, надо быть очень сосредоточенным. Чтобы не попасть себе по пальцам. А я этим тоже занимаюсь. Все домашние штучки я сам прицепил, обои могу наклеить. Плинтуса сам прибивал, карнизы. Я за тех людей, у которых более широкий спектр деятельности, которые могут разбираться в какой-то одной области, а могут сделать и что-то иное, если захотят.

- Следует ли из этого, что вы обладаете еще одной добродетелью? Вы что, хорошо сбалансированный, уравновешенный человек?

- Нет, я совершенно неуравновешенный. Меня может вывести из равновесия все что угодно.

- Например?

- Но это неважно. Я увлекающийся человек. Мне нравится что-то делать, я делаю.

могу и забросить. Увлекался и бросил. И на этом все. Сейчас меня заставте обои клеить - не буду. А одно время мне хотелось. Почему, я думаю, мой сосед может клеить, а я не могу, что, у меня голова не так работает?

- А предрассудок, помните, что значит? Вы подвержены какому-нибудь предрассудку? И какой предрассудок непереносим вами в других? Например, человек продолжает жить с женой или с мужем, но из-за детей, из-за мебели и бог знает из-за чего. Это предрассудок?

- То, что вы сказали, это предрассудок, но он сохраняется детям обоих родителей. Не ломает жизнь. Я готов считаться, но не осуждать. Если, конечно, не живут как кошка с собакой. Что еще хуже для детей. Мало ли семей, в которых родители давно друг друга не любят, но хотя бы уважают. Живут, ну и что. Пускай себе на здоровье живут.

- Это замечательно, что вы не знаете слова "предрассудок", но демонстрируете более ценное качество - искренность. Вы помните, Пушкин поет дифирамб обывателю: "Я мешанин...". Довлатов, наоборот, осудил: "мешанин, это человек, бурмоящий, что все у него должно быть хорошо".

- Сейчас это слово в моде. И многие считают, что мешанин - это хорошо. Мешане у меня ассоциируются со старой интеллигенцией. Вообще больше с интеллигенцией. А я интеллигентов уважаю. Конечно, не инфантильных и конфетных, но, во всяком случае, хорошо мыслящих и на многое идущих во имя хорошей, спокойной жизни. Может, если было бы больше интеллигенции, то было бы больше мешан и было бы меньше войн.

Олег ЮЛИС

Время, когда не надо унижаться

О себе и обстоятельствах жизни рассуждает известный артист Муслим МАГОМАЕВ

го, если бы правильно развивался. Но мы склонны особенно в это не вникать, останавливаться на том, что достигнуто. Литература? Я не люблю романы. Я себя много раз заставлял читать, например, "Двенадцать стульев". Я не понимаю этого юмора. Мне не смешно. Хотя я знаю, что люди просто заливаются смехом. Мне не смешно, такой у меня склад. Я очень люблю читать фантастику. Мне нравится то, что не связано с Землей, с нашей реальной жизнью, все, что творится там, где неизведано, то, что под землей, под океаном, на небе, на других планетах. Меня это больше волнует. Поэтому я с удовольствием поглощаю фантастику.

- И все же дайте себе оценку по шестибалльной шкале.

- Ну как я могу поставить оценку, все познается в сравнении. В сравнении с кем?

- В сравнении с Нейгаузом, Тосканини, Шаляпиным.

- Тройку. Конечно, в сравнении с Тосканини, с Рихтером. Я себе как музыканту поставлю тройку. Но простите, мне тогда не хватит баллов в этой шестибалльной системе, если я начну себе ставить оценку по сравнению с нашими некоторыми певцами, которые поют на сцене, и довольно популярными. Которые не знают, где нота "до" находится.

- Позвольте вам подарить книжку московского хулигана, нафаршированную матом. Возьмете?

- Я буду учиться материться, на склоне лет хочется говорить нормальным человеческим языком.

- После того как ответите на мой вопрос, не могли бы вы тоже спросить: "А вы, Олег, что думаете?"